

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

ВЕПРЬ. ФЕНИКС

РУБИКОН

РУБИКОН. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

ПЕС. СТРАЖ

ПЕС. БОЕЦ

ФРОНТИР. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

ФРОНТИР. ПЕРО И ВИНТОВКА

ФРОНТИР. ДОРОГА НА ДВОИХ

ФРОНТИР. ГОРОД В СТЕПИ

БУЛЬДОГ. В НАЧАЛЕ ПУТИ

БУЛЬДОГ. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

БУЛЬДОГ.
ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

РОМАН

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 914

Художник
В. Федоров

Калбазов К. Г.

К17 Бульдог. Экзамен на зрелость: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 311 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1806-0

Взвалив на свои плечи заботу о необъятном государстве, будь готов к тому, что ноша эта окажется тяжелой. Возжелав сделать державу сильной и могучей, готовься к тому, что весь свет ополчится против твоей Родины. А тогда уж будет все: и интриги, и заговоры, и кровь, и грязь, и войны. И только от тебя зависит, испугаться и свернуть с избранного пути или, подобно бульдогу, вцепиться в глотку своему врагу и не отпустить, пока тот не запросит пощады или не испустит дух.

Петр Второй, молодой император России, свой выбор сделал. Он готов пройти этот нелегкий путь до конца. И горе тому, кто решит встать на его пути. Потому что для достижения своей цели он не остановится ни перед чем.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Калбазов К. Г., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1806-0

Глава 1

НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ

— Громов Евсей Иванович, отпущен из гвардии по выслуге лет в марте одна тысяча семьсот тридцать шестого года и определен на поселение в Веселовский уезд, — вслух прочитал полковник представленную ему бумагу.

— Точно так, господин полковник.

Странно все же смотрится крепкий мужчина сорока с лишним лет, в крестьянской одежде, тянувшийся во фронт. Оно, конечно, понятно: солдат, только уволенный от службы. Но все же глядеть на это одна потеха.

— Где же ты так подзадержался, ингерманландец? — не удержавшись от улыбки, поинтересовался командир полка, а заодно и военный комендант уезда. — Последние поселенцы прибыли еще в середине лета.

— Не мог я раньше, господин полковник. Дети сильно хворали. Почитай, с того света вернулись. Сначала болели, потом ждал, пока в силу войдут.

— И сколько их у тебя?

— Трое. Два мальчугана да девка.

— Дочери сколь будет?

— Шестнадцать.

— Угу. Ну с дочкой можешь прощаться. Долго в твоём доме не задержится. Тут с невестами тяжко, а потому местные женихи гоголями ходить станут. Чай, красавица?

— В мать удалась, — тепло улыбнувшись, подтвердил мужчина.

— Вот я и говорю, готовься свадебку справлять. Самое долгое к осени сваты припожалуют.

— То не беда. Отвадить не долго. Пускай еще пару годов слюни попускают, — благодушно ответил ветеран.

Нравился ему этот полковник. Не гордец, в обращении прост, хотя и видно, что обладает характером жестким. Подобное поведение свойственно тем офицерам, что частенько хаживали под пулями, деля со своими солдатами все тяготы и лишения воинских походов. Тем, которые видят в солдате не быдло бессловесное, а боевых товарищей.

Под рукой таких начальников служить бывает куда как тяжело. Такие спуску не дают и заставляют солдат слить не одну бочку пота, как на плацу, так и на тренировочном поле. Направляясь к коменданту, Евсей видел, как в поле занимались две роты пехоты и эскадрон драгун. Солдаты отрабатывали приемы штыкового боя, драгуны методично обучались владению клинком. Это государь решил, что шпага для кавалерии только блажь, вот и заменил ее на кавказский клинок, который крепился к седлу, чтобы не мешать при спешивании. Еще одна рота солдат вышагивала перед штабом, отрабатывая перестроения. А ведь мороз стоит знатный. Однако полковник и не думает делать никаких скидок.

Но та тяжесть только на пользу. Если в бою не поспеешь вовремя перестроиться, это погубит не только твоих товарищей, но и тебя самого. Ветеран прекрасно знал, что бывает, когда в разрозненный строй роты влетает хотя бы десяток всадников. Даже если их в итоге перебьют, бед они наделают ой как много. А ведь зачастую люди начинают разбегаться. Тогда и вовсе все становится кисло. Пешему от конного не убежать, а чтобы рубить спины, ни большого ума, ни большого умения не нужно.

— Ну что же, ты отец, тебе виднее, Евсей Иванович. С положением о военных поселениях знаком? — становясь серьезным, спросил полковник.

— Знаком, ваше высокоблагородие.

— Значит, понимаешь, что по сути твоя служба не закончилась.

— Понимаю.

— Вот и ладно. На жительство отправишься в поселок Кремневка, это в пятидесяти верстах отсюда на восток. Войдешь в состав тамошней десятой роты Веселовского полка. Прибыл ты поздно, так что как там будет с жильем, не знаю. Но Баринов, ротный сержант, он же староста, мужик дельный, что-нибудь придумает. Семена по весне получишь. Довольствие сразу. В санях-то место есть, чтобы увезти?

— Саней у меня двое, да только гружены изрядно.

— Ладно. Выделю тебе из обоза да сопровождающих дам. Путь неблизкий, места лихие. И как только ты не побоялся один сюда добираться.

— Так оружие с припасом при мне, ваше высокоблагородие.

— Все одно в одиночку не дело. Ладно, иди покуда к ротному сержанту Хромову, он вас на ночь определит, а с рассветом готовься выезжать. Нечего тянуть kota за хвост.

— Слушаюсь, господин полковник.

Странно все же. Куда ни кинь взгляд, повсюду одна белая равнина, убегающая вдаль то затыжными пологими подъемами балок, то перемежаемая небольшими возвышенностями. Он, конечно, и раньше бывал в степи, да и в этих краях тоже. Но все же отсутствие лесов не внушало оптимизма. Дикое поле, оно и есть дикое.

С другой стороны, земля здесь благодатная, плодородная. А по его нынешнему положению это дело первейшей важности. Нынче он в первую голову крестьянин и уж только потом солдат. Той солдатской службы ему в год положено не больше месяца, когда проводятся учения, чтобы воинская наука не выветрилась окончательно.

Полтора года назад император дал укорот крымским татарам и вернул под свою руку Запорожье. Тогда же он издал указ, определяющий срок службы солдат в армии двадцатью годами. Правда, это вовсе не значило, что после этого они становились абсолютно свободными. Как

бы не так. Петр, он себе на уме и обо всем имеет свои думки. Бережлив и рачителен. Уж этого у него не отнять.

Понимая, что удержать можно только те земли, которые ложатся под крестьянский плуг, он решил организовать поселения на присоединенных территориях. А кого можно здесь поселить? Полковник ничуть не лукавил, когда говорил об опасности края. Хватало здесь лихого народца. Сюда хаживали за добычей и татары и казачки. Потому простым крестьянам тут делать нечего. А вот бывшие служивые здесь вполне смогут выстоять.

Именно из-за постоянной опасности и частых набегов самое скромное поселение имело не меньше сотни дворов. Считай, полная рота бойцов. Так оно куда проще отбиться от беспокойных соседей. Конечно, если тех окажется слишком много, то беды не миновать. Но на то и стоит полк в Веселовском. Тут главное выстоять, пока подмога не подойдет.

— Чудные у тебя кони, Евсей Иванович, — поравнявшись с ветераном, задорно произнес молодой, лет едва за двадцать, солдат.

Всего их было пятеро драгун. Полковник сдержал свое слово и выделил сопровождающих и сани, груженные положенным провиантом. Вот один из солдатиков, что побойчее, и подвалил с разговорами. Полдня держался в сторонке, как и остальные, да, как видно, все же не утерпел.

Евсей смерил взглядом всадника и, не выдержав, ухмыльнулся. Господи, конями он интересуется. Как бы не так.

Сани у него не привычные розвальни. В таких, как у него, можно увезти куда как больше, если найдутся кони под стать им. А кони-то у Громова как раз были что надо. Невысокие, неприхотливые, широкие в кости, отличающиеся необыкновенной силой и выносливостью. Вообще-то солдату, уволенному от службы, полагалась одна лошадь и одна корова. Но Евсею повезло.

Когда они были в пути, под Курском ему посчастливилось отбить от лихих людишек молодого дворянина, не-

кого Борзенкова. И как только у аспидов поднялась рука на горбуна. Не повезло парню, зашибло деревом, вот горб и вырос. Но Борзенков оказался весьма деятельным человеком. В восемнадцать лет, унаследовав родовое имение, он занялся тем, к чему с самого детства душа лежала. Его страстью оказались лошади. У него была мечта вывести породу, которая носила бы его имя. Таковую, чтобы и в плуг, и в повозку, и в артиллерийскую упряжку. Как землевладелец, он прекрасно понимал все нужды крестьян, а потому еще одним условием были небольшие, сравнительно с другими породами, размеры и неприхотливость.

Набравшись смелости, он обратился к императору за помощью и нашел ее. Правда, в тот момент казна была абсолютно пустой, поэтому поддержка императора оказалась не такой уж значительной. Впрочем, это с какой стороны поглядеть. Молодой дворянин получил позволение выбрать любых лошадей из любой казенной конюшни, в том числе и императорской. В результате Борзенков обзавелся двумя огромными тяжеловесными жеребцами и тремя десятками кобыл...

В благодарность за свое спасение дворянин одарил Евсея двумя жеребцами из первых, как он утверждал, неудачных скрещиваний. Громов знал толк в лошадях — во-первых, сам из крестьян, во-вторых, служба в гвардии неизменно была сопряжена с этими животными. Поэтому, оценив жеребцов, он лишь подивился тому, что Борзенков признал их непригодными для дальнейшего скрещивания.

Обзаведясь конями, он прикупил пару вместительных саней и израсходовал практически все сбережения, чтобы наполнить их потребным на будущее. О том, что согласно указу государя его должны были обеспечить по самую маковку, он, разумеется, знал. Но также знал и то, что в жизни оно всяко обернуться может. Мало что места лихие, так еще и нужду терпеть? Ну уж нет, на это он не согласен.

Повезло. Полковник оказался как раз из тех, что радели о государственных интересах. Поэтому потребное

Громовы получили в полном объеме. Оставался еще вопрос с сеном для лошадей и буренки голландской породы, что проделала с ними весь дальний путь. Но на этот случай у Евсея еще имелась кое-какая монета, поэтому он особо не переживал. Наверняка у поселян найдутся какие излишки, так что купит...

Громов в очередной раз взглянул на солдатика, стрельнувшего глазами в сторону Любаши. Жена с сыновьями ехала во вторых санях, а вот дочь с ним. Надежнее так. Она уже сейчас была статной красавицей, от которой взгляд не оторвать. Так что ничего удивительного, что отец лично за ней приглядывал. Не про солдатскую честь ее красота. Если кто из поселенцев, которые освобождены от рекрутской повинности в связи с поселением на границе, — то пожалуйста. А житье по полковым городкам и гарнизонам...

— Слышь, ты zenки-то не тарачи. Не про твою честь лебедушка, — лоя краем глаза задорную улыбку дочери, строго одернул солдата Евсей.

— А отчего не поглядеть-то на такую красоту? — лихо сбив на затылок треуголку и не желая так просто идти на попятную, произнес парень.

— Да оттого, милоч, что ты мне еще можешь понадобиться, если татары появятся.

— Не понял.

— Да чего же непонятного. Ты сейчас допросишься, так я тебе хребет переломлю. А тогда уж какая от тебя защита.

Любаша все же не выдержала и прыснула, пряча соблазнительные губки в рукавицы. Уж больно потешно выглядел неудачливый ухажер. А тятка, он такой. Он может. Сколько всего у него за плечами. И норов у него куда как крут. Опять же когда с татями теми в лесу сошелся, так страшно было на него смотреть. А этот, по всему видно, еще не знал ни одной битвы.

— Да я... Твою в перехлест! — сам себя оборвал солдат, срывая с плеча фузею и быстро спешиваясь.

Многоопытный Громов осадил коня и проследил за взглядом собеседника, уже занимающего позицию за санными. На небольшой возвышенности, примерно в четырехстах шагах, появились пять всадников. Громову доводилось бывать в походах в этих краях. По облику он сразу понял, что это не татары. Приставил ладонь к глазам, стараясь хоть как-то справиться с режущей глаз белизной. Точно не татары, но и не драгуны.

— Казаки, что ли? — все же поинтересовался у солдата ветеран.

— Они самые и есть, — все так же озабоченно ответил парень, бросая взгляд на товарищей, уже спешившихся и изготавливающихся к бою. — Сидор, за спину гляди, как бы не обошли.

— Понял, — слышалось в ответ.

Ага. Парень, похоже, вполне боевой, коли его старшим в команде назначили. А по виду и не сказать. Вот балагур и простодыр — это про него. Однако не всегда внешность соответствует сути.

И солдатики молодцы. Чуют опасность, сами верхами, но и мысли не допускают, чтобы бросить сопровождаемых. Вот и спешились. Впрочем, драгуны плохо обучены конному бою, на земле они чувствуют себя куда как увереннее. Ага, вот и штыки к стволам приладили.

— Если казаки, чего тогда так суетитесь? — все же изготавливаясь к возможной схватке, поинтересовался Евсей. Нутро-то беду чувствует, но и прояснить ситуацию не помешает. — Казаки-то вроде присягнули на верность императору.

— Кабы татары, то все понятно. А с этим бандитским племенем так сразу и не разберешь. Не ведаешь разве, что разделились казачки? Одни с нами остались, присягнув на верность императору, другие к крымчакам подались и там свою Сечь поставили, Алешковскую. Нашим-то от казны и хлебный припас, и жалованье идет. А тамошние только и того, что обласканы ханом, живут же, как и прежде, грабежом. Не татар же им грабить, с коими у них

мир. Вот и повадились к нам. От крымчаков не бывает столько бед, сколько от них.

— И как вы их отличаете, коли они все на один лад, как разбойники разодеты?

Карабин уже изготовлен. Дочь подала еще один. У самой в руке пистоль. Обращаться с ним она умеет, как, впрочем, и с фузеей. Но у тяти всяко лучше выйдет. Проверил свою пару пистолей. Вроде тоже порядок. Взгляд на вторые сани. У ребят и жены тоже по пистолю в руках. Махнул рукой, и все семейство, соскочив с саней, укрылось за ними.

— Серьезно ты подготовился к походу. Не поскупился, — несмотря на напряженную обстановку, не без уважения произнес солдат, окинув взглядом богатый арсенал.

— Не деньгами плачено, кровью, — отмахнулся Евсей.

Все же удачно с теми разбойниками получилось. Один из карабинов и два пистоля как раз с них и были взяты. Повезло и в том, что калибры практически под один вышли. Все оружие армейское, а потому снаряженные патроны вполне подходят.

— А ты, видать, боевитый, гвардия.

Вот же пустомеля. Можно подумать, заняться нечем. Сам взбаламутил воду, а теперь трещит без умолку, да все не по делу. Евсей строго взглянул на парня, словно требуя заткнуться или говорить с толком. Тот его понял верно.

— Если наши, то сейчас старший привяжет к пике белую тряпицу и подъедет. А там уж разберемся, не переживай.

— А если сговорятся с алешковскими?

— Казаки, они, конечно, тати, каких на всем свете не сыщешь, но слово их крепкое. И предательства за ними не водится. Сами же такого и кончат, чтобы не позорил товарищество. Лыцарями себя кличут, — уверенно возразил солдат.

— Ишь ты. Лыцари. Ладно, поглядим, — высвобождая руки из рукавиц и надевая суконные перчатки, произнес Евсей.

В перчатках, оно, конечно, не то что в меховушках, но, с другой стороны, куда сподручнее обращаться с оружием. Опять же если недолго, то руки не успеют замерзнуть. Да и чего о холоде думать, если по жилам уже сейчас струится горячая кровь. Даже жарко становится, хоть полушубок скидывай.

Ага. По всему видать, алешковские припожаловали. Все пятеро понесли к вставшим на дороге повозкам, размахивая оружием и разойдясь веером. Кони тут же окутались снежной взвесью, поднятой их копытами. Нелегко лошадам, снег едва до колен не доходит. Но ничего. Справные лошади у казачков, скорость набирают довольно резко.

— Господи, спаси и сохрани! — Евсей мелко перекрестился и припал к карабину, выцеливая всадника.

— Не спеши, гвардия. Тут тебе не строй на строй. Палить в белый свет как в копейку, глупее не придумаешь, — пристраиваясь так, чтобы девушка оказалась между ним и отцом, произнес парень.

— Поучи свою бабу щи варить.

— Так не женатый я.

— Вот и помалкивай, умник.

Сто пятьдесят шагов. Пора! Евсей выждал еще секунду, выверяя прицел, и нажал на спуск. Карабин привычно лягнул в плечо. Один из нападающих нелепо взмахнул руками и вылетел из седла. Даже если и ранен, то серьезно. Казака вышибить из седла можно, только убив или нанеся смертельную рану. Да и то далеко не факт.

Видя столь удачный, да что там, невероятный выстрел, солдат даже оторвался от своей фузеи и бросил удивленный взгляд на нового поселенца. Тот же в свою очередь сноровисто схватил второй карабин, уже изготовленный к бою, и вновь припал к ложу.

Сотня шагов. Выстрел! На этот раз сраженный казак завалился на холку и начал медленно соскальзывать вбок. Все, теперь биться только накоротке. Громов отбросил

карабин и схватил пистолы. Курки уж взведены, остается лишь подпустить всадников вплотную.

— Любаша, не высовывайся! — Приказав это, ветеран бросил взгляд на жену и сыновей.

Порядок. Его наставления не пропали даром. Семейство хотя и напугано, но глупостей не делают, надежно укрывшись за санями. Вот только лошади выказывают беспокойство, как бы не побежали. Оно вроде и приучал к выстрелам, но кто его знает, как оно все обернется.

А вот и привет от казачков. А молодцы, аспиды. Мало что втроем продолжают атаку, ничуть не усомнившись в своих силах, так еще и на скаку бьют из карабинов, куда иным стрелкам на твердой земле. Пуля ударила рядом с Евсеем, с металлическим звоном угодив в один из мешков. Там посуда. Не к месту подумалось о том, что Ефросинья расстроится, если что серьезно покорезили.

Одному из солдат не повезло. Слишком сильно высунулся. Получив пулю в грудь, он тут же уткнулся носом в мешки с зерном, уронив фузею в снег. Куда угодила третья пуля — не понять. Но Евсей отчего-то не сомневался, что она также была недалеко от своей цели. Не могло быть иначе, и все тут.

В ответ грохнули выстрелы солдат. Ну, можно сказать, нормально отстрелялись. На четыре выстрела по скачущим всадникам одно попадание — очень даже неплохо. Правда, казак удержался в седле, разве только левая рука повисла плетью. Но и то хлеб.

Наконец всадники достигли саней. Когда и как они успели избавиться от карабинов и вооружиться пистолками, сам черт не разберет. Но факт остается фактом. Приблизившись вплотную, тот, что наскакивал на сани, за которыми укрылся Евсей, выстрелил в упор. Понятно, основного противника он видел в солдате, уже рвущем из-за пояса пистоль, а потому стрелял именно в него.

Удачно стрельнул. Пуля прорвала плащ и, как видно, задела его обладателя, так как он тут же схватился за правое предплечье. Но парень с характером. Несмотря на

рану, все еще пытается стрельнуть во всадника из пистоля. Не поспеть балагуру. Никак не поспеть. Сабля казака уже начала свое движение вниз, еще мгновение...

Евсей, выжидавший момента, когда же этот мечущийся из стороны в сторону воин Дикого поля хоть малость успокоится, нажал на спуск. Пуля ударила точно в грудь. Сабля выпала из сразу же ослабевшей руки и повисла на темляке. Все. Отвоевался сердешный.

Пистоль Евсея падает в снег, второй перекочевывает в правую руку. Любаша, прицелившись, стреляет в того, что с раненой рукой и занесенной для удара саблей накатывает на Ефросинью и братьев. Шагов двадцать до него. Мимо. Сама солдатская женка и мальцы также не отсиживаются, палят в белый свет как в копейку. Проклятье! Словно и не учил ничему. Одна из пуль и вовсе пролетает рядом с Евсеем. Это они во всадника лупят или куда?!

Стремительный росчерк стали. Старшенький, выскочивший прикрыть мать и брата, кубарем катится под ноги лошади.

Евсей спешит к ним, но все происходит слишком быстро. Выстрел! Пуля Громова уходит мимо. Казак, поняв, что его атакуют сзади, разворачивает коня. Посыл, замах саблей. А вот ударить уже не успевает. Из-за спины Евсея раздается выстрел, и уж эта-то пуля попадает в цель, опрокидывая казачка на круп лошади. Балагур стрельнул-таки из своего пистоля — и не промазал.

Третьего казачка принял на штык один из солдат. Вот только не повезло конвойным. Недаром казаков считают великолепными бойцами. Один против трех штыков, казак все же умудрился достать двоих служивых. Первый получил пулю из пистоля, второй пал под сокрушительным сабельным ударом. Но оставшийся солдат все же вогнал свой штык в живот всадника.

Евсей отмечает это только краем сознания. Как факт того, что опасность миновала. Его взор прикован к лежащему на снегу сыну. Спасибо тебе, Господи. Парнишка зашевелился, поднял голову, поправил шапку, сбившую-

ся на глаза, и осматривается в поисках врага взглядом полным воинственного задора. Во второй руке зажат засапожник. Ну да, для него схватка еще не закончилась.

— Ваня, ты как?! — Евсей с ходу вздернул сына, ставя его на ноги.

— Тятя, ты чего? Нормально я. А что, все уж кончилось?

— Кончилось, горячая ты моя головушка. Ефросинья?

— Все хорошо, Евсей. И Петруша цел.

— Ну и слава тебе господи. — Ветеран широко и исто-во перекрестился.

Убедившись, что с семьей порядок, а женщины приня-лись обихаживать раненых, Евсей решил озаботиться оружием. Кто его знает, сколько этих аспидов по округе бродит. Ох и злы в драке. Таких только на расстоянии бить нужно. Подберутся вплотную, беды не оберешься.

— Да-а, Евсей Иванович, удивил ты меня, — улыба-ясь, заговорил давешний солдатик, пока Любаша перевя-зывала ему руку. — Уж не из штуцеров ли палил?

— Мой штуцер остался в полку. Забрать не позволили. Вот, обменяли на карабин.

— То-то я и гляжу, вроде не штуцер. Но палил знатно. Секретом не поделишься? Глядишь, в следующий раз жизнь спасет.

— Отчего не поделиться. Я карабины пулями для даль-него боя снаряжаю.

— Это какими же? — благодарно кивнув Любаше, ко-торая закончила перевязку, поинтересовался солдат.

Девчушка только пожала плечами, мол, все мужики одинаковы. Все бы им оружием забавляться. Разумеется, она не права. Иному крестьянину только и забот что об урожае да об инвентаре. Да только где она тех крестьян видела. С рождения среди солдат росла.

— Да вот, взгляни, — невольно провожая взглядом дочь, ответил Евсей.

Он как раз ссыпал в ствол порох и высвободил из бума-ги чудную пулю, которую и протянул любопытному пар-

ню. Пуля полусферическая, калибром меньше обычной фузейной, а вот сзади к ней прикреплен войлочный пыж большей окружности и толщиной в большой палец.

— Чудная какая-то, — рассмотрев пулю, сделал вывод солдат.

— Есть немного. Ее только недавно измыслили. Скоро во всех полках будет. — Туго насаживая пулю в ствол, Евсей принялся пояснять: — В стволе не болтается, пыжевать не нужно. Войлок вместо пыжа получается, а так как крепится прямо к пуле, то не дает ей выпасть. Когда пуля летит, тот же войлок не дает ей кувыркаться. На двести шагов разлет в пол-аршина выходит.

Притопив пулю в стволе, ветеран извлек стальной шомпол, которым год назад стали заменять деревянные, и налег на него, прогоняя пулю в казенную часть. Пуля шла с натугой, но все же не так, как, бывало, приходилось заколачивать в штуцер свинцовую. Немалым подспорьем в том был промасленный войлок, благодаря чему он лучше скользил по стволу. Опять же и нагар немного счищает.

Использовать такие пули сложнее, чем старые, круглые. Скорострельность падает до двух выстрелов в минуту, и это у опытных фузилеров. Патрон тоже иной, он разделен скруткой на две части, чтобы промасленный войлок не соприкасался с порохом, иначе при длительном хранении часть его придет в негодность.

Еще одна тонкость. Если заряжаешь оружие, не собираясь стрелять сразу, то между пулей и зарядом нужно устроить прокладку из бумаги патрона. Но в бою это лишнее. Порох просто не успеет испортиться до следующего выстрела.

— А что же, такие пули самому ладить можно? Или только на патронной мануфактуре или в ротной оружейной?

— Ничего трудного. Только пулелейку иметь правильную. Не косись. Не дам. Да и не подойдут мои к твоей фу-

зее. Коли разница невелика, то ничего страшного. Да только сдается мне, у нас разница изрядная выйдет.

— А ты и к пистоям своим такие же ладишь?

— И к пистоям. Оттого и стараюсь, чтобы калибр был один или близок. Две пулелейки для карабинов и пистолей не десяток.

— Твоя правда. Но глянуть-то дашь?

— Отчего не дать. Только доберемся сначала. Упакована вся справа, чтоб не потерять. Есть сотня накрученных патронов, и этого с избытком.

— Так что же, только такими пулями и пользуешься? — не унимался солдат.

— Да отчего же. Есть патроны и с обычными пулями, и картечные. Говорю же, эти для дальнего боя. Ладно, пошли с добычей разбираться, пока лошадки не разбежались. Опять же о ночевке думать нужно. Задержали нас казачки изрядно.

Подумаешь, только что едва не лишился близких. Обошлось же, так чего сопли на кулак наматывать. Что с бою взято, то свято. Ему, как ни крути, полагается имущество с троих побитых татей. А нынче жизнь такая, что в хозяйстве ничто не будет лишним.

Знатно вышло. Три лошади, именно что лошади, да еще и не клячи какие. Будет кого покрыть его конями. Глядишь, потомство выйдет не худосочное. Оно, конечно, не скакуны, но ему таковые и не нужны. А вот коли получатся силачи, это будет куда лучше. Такие у землепашцев в большей цене будут.

Три карабина. Разномастные, разной выделки. Но это не беда. Тем же казакам можно и продать. А вот пара пистолей, опять русской выделки, армейские. Эти у себя оставит. Остальные можно также продать. Ванька ходит вокруг, облизывается. Ничего. Он ему свой второй карабин подарит. Уж подрастает сынок. К тому же в этих краях совсем не лишнее иметь оружие. Ничего не мал. Здесь ребятня взростеет рано.

Хм. А оружие-то лучше бы не продавать, а обменять на

другое, подходящей выделки. Оно конечно, деньги лишними не будут, но с другой стороны — не дело оружием разбрасываться. Опять же, взял целых двадцать рублей, да побрякушки кое-какие, тоже денег стоят. С убитых казаков он не снял только нательные кресты. Впрочем, возможно, причина крылась в том, что они были самыми обычными, из меди.

Кремневка показала только к вечеру следующего дня. За это время с семейством Громовых больше никаких приключений не произошло. Если не считать того, что помер один из солдат, получивший пулю в грудь. Другой, раненный в плечо, вроде должен был оклематься. У Артема, того самого балагура, рана оказалась болезненной, но не такой уж и серьезной. Парень разве только морщился, когда пользовался раненой рукой.

— Н-да-а-а. Серьезный поселок, — сбив немного набок шапку, задумчиво произнес Евсей.

— А ты как думал, Евсей Иванович, — подмигнул Артем. — Баринов, сержант ротный и староста местный, разгильдяйства не одобряет. И, скажу я тебе, правильно делает. В здешних местах лучше ухо держать востро и иметь на дверях крепкий запор.

Кремневка и впрямь производила впечатление серьезного укрепления, отчего выглядела мрачно и неприветливо. Поселок окружен рвом и валом, по скату которого вбиты колья, на которых имеется своеобразный плетень из колючего кустарника. Точно такие же заграждения, в несколько рядов, имеются и перед рвом. Защиту от пули там не найдешь, укрыться от глаз можно разве только в безлунную ночь, когда и без того ничего не видно. Зато, несмотря на кажущуюся хлипкость, данное заграждение вполне способно значительно ослабить наступательный порыв и дать возможность обороняющимся сделать пару дополнительных выстрелов. Не так уж и мало.

С двух сторон вал был насыпан прямо по краю оврага, огибавшего поселок. Евсей очень сомневался в его необходимости. Склон оврага достаточно крут, настолько, что

нападающим придется карабкаться, да еще и помогать себе чем-нибудь, например кинжалами. Опять же глубина не в пример той, что имеется в других местах.

Однако вал был необходим по соображениям безопасности, так как прикрывал поселение от обстрела. Что с того, что прицельная дальность из фузеи всего-то семьдесят шагов? А на сколько та дурная пуля летит? То-то и оно, что на четыре сотни шагов. Оно конечно, на дурака такой обстрел, вот только кремневцы не собирались рисковать жизнями своих семей.

Баринов, вышедший встречать вновь прибывших, Евсею понравился. Открытый, честный и в то же время строгий взгляд. Обветренное лицо бывалого ветерана, грубый шрам над правым глазом, отчего густая бровь разделена на две неравные части. Сразу видно, что и на службе был ротным сержантом, причем из тех, кого солдаты искренне ненавидят в мирной жизни и едва не боготворят на войне.

— Из каких будешь, такой богатый? — осматривая и впрямь богатый для переселенца караван, поинтересовался Баринов.

— Ингерманландец.

— Гвардия, стало быть. А я уж думал, гвардию в отдельные поселения определять будут.

Глупо ожидать, что сержант, выходец из обычного полка, не пройдет по адресу гвардейца, попавшего в его подчинение. Ведь так оно по сути и получалось. С одной стороны, Евсей был вольным поселенцем. С другой — не так уж и много у него было той самой воли.

Жить ему предстояло там, где определило начальство. Причем не просто так, а по уложению о военных поселениях. Согласно этому уложению он должен был содержать в порядке всю воинскую амуницию и оружие и быть готовым в любой момент выступить в поход. Кроме того, раз в году, сроком на месяц, его будут привлекать на воинские учения, а как сыновья достигнут восемнадцати лет, то и их тоже.

Староста, он же ротный сержант, имел немалую власть в поселении, вплоть до наказания нерадивого батогами. Поселения полувоенные, располагаются практически на границе, поэтому мужчины по очереди несут дозорную службу. Это не очень удобно во время сельскохозяйственных работ, но, с другой стороны, ничего особенно страшного. Здесь не было никакой барщины, работать нужно только на себя.

— Архип Андреевич, зря ты так, — видя, что так недалеко и до ссоры, вклинился в разговор Артем. — Евсей Иванович не павлин какой гвардейский. Эвон, когда с казачками сошлись, троих положил. Так что богатство его не от гвардии, а от того, что он боец знатный.

— Ладно, там поглядим. А вот о казачках давай поподробнее. Большой отряд? — тут же переключился на другую тему Баринов.

— Нет. Только пятеро. Видать, выехали пограбить каких зазевавшихся путников. Не ожидали, что на их пути штуцерник окажется.

— Штуцерник?

Ага, заинтересовался. А то как же. От меткого стрелка всегда пользы много. Чего греха таить, Баринов и сам не больно-то в цель бьет. Иное дело стоять перед противником и удержаться парней в линии, да палить вместе со всеми по вражьему строю. По сути просто направить оружие в нужную сторону да нажать на спуск. Многие и вовсе закрывают глаза, чтобы горячей крупинкой с полки не лишило зрения. Тут главное скорострельность знатную показать. Именно на ней нынешняя тактика боя строится.

Здесь же ни татары, ни казаки строем на строй не ломают. А если столкнешься с каким малым отрядом в Диком поле, то о залпах и говорить не приходится. Тут уж от меткости стрелков зависит. И похоже, им повезло заполучить к себе штуцерника. Это особые стрелки, а главное, умея метко стрелять, смогут кое-чему обучить и остальных.

Архип пытался было ввести обучение обращению с оружием. Пережгли прорву пороха без особого толку. Разве только с заряджанием получше стало. А ведь тот порох на общинные деньги куплен. Казна только по сотне патронов на бойца выделила, и из того половину надлежит держать неприкосновенным на случай военного сбора. Так что с учением не больно-то разгуляешься.

— Выходит, штуцер при тебе? — не без интереса продолжал пытаться староста.

— Кто же мне его отдал бы, — возразил Евсей.

— А как же тогда?.. — подразумевая точность стрельбы по подвижной мишени, удивился Баринов.

— Он, Архип Андреевич, из карабина палил, — поспешил с пояснениями Артем, — у него мудреные пули есть.

— Пули мудреные, — передразнил парня староста. — Ты голубей привез, «пули»?.. А то у нас последний остался.

— Да привез, привез, — отмахнулся Артем.

Голубиная почта для поселений далеко не последнее дело. Всаднику еще пробраться нужно через вражеские разьезды да добраться до Веселовска. Голубь же обернется куда быстрее. Правда, поговаривают, что татары стали брать с собой соколов, чтобы таких гонцов сшибать с неба.

— А что за пули? — все же не удержался Баринов.

— Ничего сложного, — заметив тень на лице старосты и уловив намерения Баринова, поспешил успокоить Громов. — Помудрим, поколдуем, научу ладить пули, из которых в цель можно палить на две сотни шагов. Опять же прицелы поставим.

— Хорошо бы, — тут же повеселел староста. — Ладно, чего на дворе стоять. Проходите в дом, сейчас хозяйка на стол соберет, поужинаем, поговорим за жизнь. Переночуете у меня, а завтра решим, куда вас на постой определить. Лошадей да скотину тоже пока у меня на дворе оставишь. Не переживай, живем мы тут дружно, воровства никакого не водится.

В последнее верилось легко. Нужно быть большим дурнем, чтобы творить непотребство, живя в таких развеселых местах. Это ведь даже не полк, тут все проще и в то же время сложнее. Беда может прийти в любой момент, и надежда в первую очередь на соседей. Поэтому к своим отношение особое, даже если и есть червоточинка, то лучше ее припрятать поглубже.

Дом старосты мало чем напоминал привычную избу. Глиняная мазанка, крытая толстым слоем камыша, вполне себе просторная, в три комнаты. Видать, на будущее ладил, потому как детей нет. Ну да это ненадолго, жена уж тяжелая, по всему, к весне родит. Молодая девка, Архипу в дочки годится. За кого иного отдать родители еще подумали бы, но солдат, уволенный со службы, нынче статья особая.

Хотя его и определяют на жительство приказом, да в местах подчас неуютных, при том что и со службой он не до конца развенчан, зато достаток имеется. Всем необходимым для заведения крепкого хозяйства казна обеспечивает. Остальное уж от самого мужика зависит. А при умной и оборотистой жене любое хозяйство поднимется на загляденье. Опять же от податей да рекрутской повинности освобождены.

Отставникам позволено свататься в любом месте, и указ особый имеется, что препятствий им никто чинить не может. Даже если вдова с детьми малыми приглянется. Кстати, некоторые вдовушек и берут. С одной стороны, вроде как сразу лишние рты добавляются, но с другой — помощники в семье куда раньше появятся. А касемо своих детей... Так ведь не старые, еще нарожают.

Но Архип, как видно, со своими думками. Чужих деток воспитывать не схотел. А может, просто девка глянулась. Красивая, нечего сказать. На такую взглянешь, так и глаз не оторвать. Сомнительно, чтобы она за него по своему желанию пошла, скорее всего, воля родительская за нее все решила. Но, может, и сама хотела. Гнуть спину на барина никому не охота...

Утро выдалось ясное и светлое. Нет, с солдатской жизнью покончено, а потому поднялись еще до света. Нынче жизнь уж иная, да и животина, она построже сержанта будет. Тут хочешь не хочешь, а подняться придется, чтобы выдоить буренку да обиходить иную живность. Не бывает так, чтобы все само выходило. Ты сначала труды приложи, а уж потом получи в благодарность отдачу.

Вон Евсей в какую даль привел буренку голландскую. Коровы у них больно славные, удои хорошие дают. Так намучились, покуда ее в сохранности привели. Она ведь не лошадь. Опять же стельная, обхождения особого требует. Но ничего, обошлось, слава тебе господи, жива, кормилица, и с теленочком вроде как все нормально. А то уж боялся, придется останавливаться где да выжидать до весны.

Кто-то скажет — глупость из-за коровы терять столько времени, проще уж купить на месте другую. Но Евсей предпочитал потерять год, а не эту красавицу, доставшуюся ему по случаю и совсем не дешево. Но она стоила каждой уплаченной за нее копейки.

Громовы поднялись всем семейством. Хозяева отнеслись к тому с пониманием. Молодец, гвардия, успел перестроиться и встать на новую колею. Теперь он в первую очередь крестьянин, хозяин и уж потом солдат. Архип наблюдал, как многие не спешили оставлять старые привычки и вставали не с петухами, а со светом. Наблюдал и качал головой.

Расслабились в армии. Там, конечно, тоже не сахар, но все же попроще, чем на хозяйстве. Нет, не будет из них толку. Если женки работающие и хватистые, еще туда-сюда — которая мужа тормозит, которая на своем горбу все тащит. А если лень раньше жены родилась, так и совсем худо.

В этих краях о крепости не может быть и речи. Но и кормить задарма никого не станут. Потому те, кого Бариннов по старой сержантской привычке сможет заставить работать, еще выкарабкаются. А вот иные покатаются под

горочку и будут перебиваться с хлеба на воду, батрача на соседей.

Заметив, что мальцы принялись чистить коровник, а Любаша подхватила подойник его жены, Архип хотел было возмутиться. Негоже гостям по хозяйству управляться. Нет, что касается их худобы, то все верно, у него помощников нет. Но ходить за хозяйской скотиной — это уж слишком. Однако Евсей только отмахнулся, мол, не вмешивайся, нечего ребянтю расслаблять. Пускай приучаются к работе...

Так что солнышко, взошедшее на голубой небосвод, они встретили во дворе, успев изрядно потрудиться. Вот только утро от того хуже не стало. Наоборот. Воздух казался звонче и чище. По жилам разлилось тепло. Грудь сама собой расправилась, словно кузнечные меха. Красота!

Глава 2 О ПОЛИТИКЕ, И НЕ ТОЛЬКО

Опять поднялась метель, и улицы столицы практически опустели. Глядя в окошко возка, Петр видел только редких прохожих, зябко кутавшихся в подбитые мехом плащи. Дурная мода. Не для России. Впрочем, плащами любят забавляться все больше молодежь или яркие сторонники европейского стиля. Люди практичные предпочитают все же шубы. Глупо отрицать тысячелетний опыт предков и бездумно вводить в обиход чуждое.

Взять те же каминны. Нет, Петр очень даже любил посидеть в тепле и уюте, наблюдая за полыхающими поленьями, и почитать книгу под их веселый треск. Но все же камин никогда не сможет хорошо протопить дом в русские морозы. Потому для тепла и ладят печи. Вот так и с плащами. Не сравнятся им с шубами.

Вроде и не далеко от здания Сената и Синода на Васильевском острове до Зимнего дворца, но все же подумать

можно о многом. Разумеется, если возница не станет погонять, словно его собака за пятку цапнула. Но нет. Не будет. Всему ближайшему окружению давно известно, что без особой надобности Петр не любит быстрой езды по столице. И вообще, не будь сейчас метели, так с удовольствием прогулялся бы пешком.

Несмотря на покушение, он и не думал изменять своим привычкам. Мало того, и в конвое у него по-прежнему было шесть гвардейцев и неизменный Михаил. Вот еще и денщик Василий прибавился. Случись драка — толку от него чуть, но ты поди объясни ему это. Ушаков резко противился подобной беспечности и требовал усилить эскорт, но Петр только отмахивался.

— Ты, Андрей Иванович, не ругайся. Опасаешься за мою особу, так бей заговорщиков влет. А я хорониться за штыками от народа не стану.

— Государь, ну позволь хотя бы заменить гвардейцев на моих парней из особой роты. Ей-богу, они не чета твоим воякам.

— Можешь назначить человека, чтобы он учил гвардейцев особым ухваткам, тут препоны чинить не буду. Но в конвое по столице у меня будут только гвардейцы, и в числе не больше. Я все сказал, и к тому возвращаться не будем.

Вот и сейчас возок с императором сопровождают шестеро верховых гвардейцев. Да двое сидят напротив, всячески прикидываясь невидимками. Петр скользнул взглядом по Михаилу и Василию, обряженные в мундиры ингерманландцев, в списки которых они были внесены после ссылки преобращенцев. Мальцов по этому поводу сильно убивался. Он конечно же понимал правоту решения государя, но нелегко вот так, в одночасье отринуть старинных боевых товарищей.

Взгляд задержался на форме. Н-да-а, ничего не скажешь. Зимой холодно. Летом жарко. О чем только думали, когда вводили это убожество. Нет, выглядит вполне

нарядно. Вот только это последнее, что потребно воинскому мундиру. Он должен быть удобным и практичным.

Новая форма уже разработана и высочайше утверждена. Теперь она будет куда удобнее и, что немаловажно, облегченной. Петр решил окончательно отойти от европейского образца, излишне отягощенного. Да одно только ношение париков чего стоит. Абсолютно ненужная деталь, и уж тем более на поле боя.

На смену кафтанам и камзолам придут кители, надеваемые поверх нательного белья. Название это дал сам Петр, как он же составлял эскизы формы. Император вообще хорошо рисовал. А название... Никто уже давно не удивлялся причудам императора, пусть хоть горшком назовет. Короткие, до колен, штаны будут заменены портами нового образца: свободными в бедрах и зауженными ниже колен — для удобства ношения сапог. Башмаки вообще отменялись, на смену чулкам придут обычные портянки, что, с одной стороны, дешевле, а с другой — куда более практично.

Армия получит три образца обмундирования — летнее из выбеленной поскони, зимнее и парадно-выходное из сукна. Если первые два будут выдаваться на год и два года соответственно, то парадно-выходное на пять лет. Вернее, выдаваться будет все то же сукно, вот только построить мундир будет куда как проще и дешевле.

Сейчас у Петра была возможность для серьезных расходов и на такие цели. Долгие шесть мирных лет он потратил с большой пользой и сумел-таки добиться прибыльной казны. И это несмотря на то обстоятельство, что полностью ликвидировал задолженности по выплате жалованья. Было введено денежное содержание для чиновников и в связи с этим пересмотрена Табель о рангах.

Проведена реформа армии и структурная реорганизация частей. Полки перешли на трехбатальонную систему. Разумеется, это повлекло за собой увеличение количества должностей, но зато расширило простор для маневра и большей самостоятельности в бою. Соответственно дол-

жна была претерпеть изменения и тактика ведения боя. Последняя сейчас проходила пересмотр на предмет введения новшеств. Надо признаться, европейские державы не без скепсиса наблюдали за происходящим в России. Ну да пусть их смеются.

Новшества коснулись и комплектования офицерского корпуса. Теперь дворяне, поступающие на службу в армию, проходили двухгодичное обучение в профильных военных училищах. Их сейчас было три — кавалерийское, пехотное и артиллерийское. Только по их окончании они отправлялись в войска, где обязаны были отслужить пять лет. Данное обстоятельство не касалось офицеров, уже проходящих службу или получивших офицерский чин за особые отличия.

Впрочем, эти офицеры не могли подняться в чине выше той ступени, на которой находились, или капитана. Для дальнейшего роста им предстояло окончить университет, где для этого была введена практика заочного обучения. Петр планировал учредить еще и военную академию, но в настоящий момент не видел в этом смысла. Причина проста — намереваясь отойти от старых тактических приемов, он не собирался обучать высший офицерский состав по старым канонам.

А вот новой-то тактики пока и не существовало. Имелись наработки, появившиеся в ходе проводимых учений с гвардией. Но не хватало самого главного — боевого опыта. Только на его основании можно было делать вывод о верности теоретических суждений или их ошибочности.

Петр осознал необходимость что-то менять во время крымского инцидента. Хм. Вообще-то мягко сказано. Столкновение с крымчаками едва не вылилось в полномасштабную войну и стоило крымскому хану Каплан Гераю не только престола, с которого он был смещен турецким султаном. Ханство лишилось около тридцати тысяч воинов и потеряло Запорожье.

Вообще-то военные действия не входили в планы российского императора. Он стремился только к одно-

му — к миру. Именно желание избежать войны вынудило его ввязаться в борьбу за корону Польши. Россия ввела туда пятидесятитысячную армию, дабы не допустить восшествия на престол сторонника Франции Лещинского. Это привело к войне с Францией. Но опять же, она представляла собой скорее небольшое столкновение далеко от границ России.

Миних без особого труда разбил французский корпус, поддерживавший поляков, выступивших на стороне Лещинского. К слову заметить, французы прислали слишком уж несерьезные силы для поддержки своего ставленника. Затем двадцатитысячный корпус под командованием Ласси направился в Австрию, для оказания помощи в войне против Франции. Правда, в бой им вступить так и не пришлось. К моменту прибытия корпуса было подписано перемирие, а потом и мирный договор.

С одной стороны, русские вроде бы и не приняли участия в боевых действиях. С другой — многие сходились во мнении, что именно вмешательство в войну России и отправка корпуса Ласси способствовали тому, что галлы так скоро пошли на попятную.

Эти два события — захват престола для сторонника России и поход на австрийскую территорию, во многом способствовали росту авторитета русских. Одно то, что французы откровенно боялись прибытия на Рейн русского корпуса, говорило о многом.

Одновременно с этими событиями случился и крымский инцидент. Но тут уж все сложилось самым наилучшим образом. Стараниями прекрасно сработавших резидентов КГБ в Турции и Крыму император своевременно получил информацию о том, что султан Махмуд Второй потребовал от Каплан Герая привести свою армию в Дагестан для борьбы с персами. Стал известен и маршрут крымского войска, который должен был пролечь по российским землям.

Как уже говорилось, Петр не стремился к войне. Но так уж устроен мир, что в нем уважают и договариваются

только с сильным. События, разворачивающиеся в Европе, как нельзя лучше отвечали интересам России. Это не только Польша, выступающая в качестве союзника России, но и возрастающий авторитет русских в целом. Спусти Петр подобную наглость татарам, и все труды пойдут прахом. Кроме того, как ни сложны были взаимоотношения с Персией, она все же была союзницей, и именно против нее умышлял крымский хан. И вообще, традиционные набеги татар на окраинные земли уже давно нагнетали конфликт.

Словом, своевременно получив информацию, Петр начал наращивать украинскую армию. Делалось все исподволь. Войска официально следовали на длительные маневры. На самом же деле — с соблюдением строжайшей секретности двигались на Дон. Несмотря на зимнюю пору, переброску удалось завершить с минимальными потерями и в сжатые сроки.

В мае 1735 года армия крымчаков угодила в хорошо подготовленную ловушку. Используя характер местности, Петр, лично принявший участие в походе, сумел лишить преимущества в маневре татарскую конницу. К тому же внезапное нападение на рассвете способствовало тому, что немалая часть лошадей попросту разбежались, испуганные пушечными залпами и разрывами гранат.

Вслед за артиллерийским обстрелом последовала атака сразу по трем направлениям. Фланги наступающей пехоты прикрывали драгуны и казаки. Понеся значительные потери в лобовых атаках, крымчаки начали отходить в единственном оставшемся не перекрытым направлении. Однако там их уже ждала калмыцкая конница.

Из этой мясорубки хан Каплан Герай смог вывести только половину своего шестидесятитысячного войска. Десять тысяч были пленены, остальные пали под убийственным огнем русских и саблями калмыков.

Петр не стал преследовать отступающее войско. Вместо этого он повел планомерное наступление по Дикому полю, высылая дальние разъезды казаков и калмыков.

О том, что творилось в стойбищах, до которых добирались эти части, думать не хотелось. Калмыки по своей натуре мало чем уступали татарам, были не менее злы в драке и испытывали к татарам ненависть. Казаки вообще отдельная статья, народ лихой и безжалостный. Кстати, они сами себя считали ближе к татарам, а вернее, к их воинской сути.

Единственный островок относительного спокойствия был только в полосе наступления корпусов регулярных войск. Здесь Петр и другие командующие строго следили за тем, чтобы население чрезмерно не притесняли. Нескольких нарушивших приказ даже казнили.

От местных не скрывали, что русские из этих земель никуда уходить не собираются. Поэтому если те желают, то могут направиться в Крым. По направлению к Перекопу двинулись скорбные караваны кочевий, которым оставили только самый минимум имущества. При этом они всячески старались придерживаться регулярной армии. Как ни пустынно Дикое поле, но вести и здесь разносятся со скоростью пожара.

Не встретив практически никакого сопротивления, русские войска очень быстро достигли Перекопа и устья рек Южный Буг и Днепр. В этих точках русские встали тремя военными лагерями в ожидании ответа турецкого султана, которому было отправлено послание о случившемся инциденте.

Одновременно было отправлено письмо и российскому послу в Константинополе Неплюеву. Опытный дипломат, к тому же обладающий авторитетом в дипломатической среде и при дворе султана в частности, сумел максимально удачно использовать ситуацию. Правда, ему пришлось нелегко. Из указаний Петра следовало, что он не намерен оставлять все в прежнем состоянии. За свою дерзость Крымское ханство должно было поплатиться Запорожьем. Никакие иные решения российский император рассматривать не желал.

В случае если ситуация в ближайшее время не разре-

шится так, как это выгодно России, ее армия перейдет в наступление и овладеет Крымом. Надо заметить, что русская армия находилась в весьма выгодном положении.

Два двадцатитысячных корпуса прикрывали основную армию с запада. Разъезды калмыцкой конницы общей численностью до двадцати тысяч сабель — с востока. Сама армия, разместившаяся у Перекопа, насчитывала пятьдесят тысяч, из которых двадцать были ландмилицейскими¹ и казачьими частями. Крымское же войско было разбито и рассеяно.

Вообще-то Петру стоило больших усилий удержаться и не поддаться уговорам Миниха, отозванного из Польши в связи с происходящими событиями. Впервые российские войска стояли у самых ворот Крыма, к тому же практически беззащитного. Один удар — и ханство падет.

Все так. Вот только в таком случае Порте² не останется ничего другого, кроме как объявить России войну. В тот момент особо рассчитывать на помощь Австрии не приходилось, так как она все еще вела войну с Францией. Да и вообще, война это большие траты, к чему Петр не был готов. Именно поэтому он оставлял турецкому султану место для маневра.

В итоге непреклонность императора была вознаграждена. Константинополь пошел на выдвинутые условия. Этому в немалой степени способствовали неудачный ход войны с Персией и заключенный союз между Австрией и Россией, а также то, насколько стремительными и опустошительными явились действия русской армии.

Сыграл свою роль и хан Каплан Герай. Он также настаивал на пересмотре границ, так как не видел возможности защитить ханство от вторжения русских. Разумеет-

¹ Ландмилиция — особый вид иррегулярных или полурегулярных войск, в том числе поселенных, существовавший в России с начала XVIII до начала XX века.

² Порта (Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта) — принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства (канцелярии великого визиря и дивана) Османской империи.

ся, он понимал, что вскоре лишится престола, но все же до конца остался верным своему долгу. Сумеют ли русские удержаться в Крыму или нет, не столь уж важно. В любом случае цветущий полуостров подвергнется разграблению, а война обойдется татарам слишком дорого, если не сказать губельно.

Кстати, столь мягкое наказание хана, как отстранение от власти, было обусловлено тем, что он изначально отговаривал султана от отправки крымского войска в Дагестан. Он предполагал, что подобные действия неизменно повлекут реакцию России, которая может захватить беззащитный Крым. Однако был вынужден подчиниться воле повелителя.

Вот уже второй год, как Россия опять пребывает в мире со всеми соседями. Многие недоумевали по поводу проявленной императором нерешительности, но Петр только посмеивался. Проявил слабоволие? Поступил недальновидно? Не использовал удобный момент для воплощения в жизнь давней мечты российских государей и не осуществил выход к Черному морю? А главное, не уничтожил это змеиное гнездо, вот уже более двух сотен лет беспокоящее границы Руси своими опустошительными набегами?

Да, со стороны все выглядело именно так. Но только на первый взгляд. Во-первых, эти события и действия русской армии в Европе показали, насколько не правы те, кто решил, будто русские выдохлись. Во-вторых, в результате всего лишь инцидента Россия приросла обширной территорией.

Пусть это практически не заселенное Дикое поле. Ничего страшного. Уже сейчас Петр прилагал немалые усилия для того, чтобы обжить эти пустынные земли. Им издан указ, ограничивающий службу нижних чинов двадцатью годами. Еще не старые и крепкие мужики получают наделы и подъемные средства, образуя солдатские поселения и начиная возделывать землю. Мало того, со службы они уходят с оружием и воинским припасом, дабы

могли защитить себя от набегов татар. А таковые будут. Потому как волчью натуру враз не исправишь.

В дополнение к этому был издан указ, согласно которому запрещалось отлавливать и выдавать беглых крепостных, осевших в Запорожье. Любой государственный крестьянин мог переселиться в Дикое поле, где он освобождался от любых налогов и податей. Мало того, переселенцам, как добровольным, так и беглым, предоставлялась помощь от казны. Помимо скотины, сельхозинвентаря, семян, продуктов на первое время и иного им выдавалось и оружие. Разумеется, все это было не безвозмездно и они должны были восполнить затраты казны. Но на это им отводилось десять лет и не предусматривалось какого-либо роста.

Весьма затратное начинание, даже с учетом того, что беглых крестьян и переселенцев было не так уж и много. Первых зачастую отлавливали еще до того, как они добирались до опасных земель, сулящих свободу. Вторые все больше пребывали в сомнении. Однако с избытком хватало отслуживших свой срок солдат. Не имея возможности отказаться от подобного переселения, они стремились воссоединиться со своими семьями. Хорошо как солдат был из казенных крестьян, но ведь были и помещичьи. В связи с этим Петр издал указ, согласно которому солдат невозбранно мог забрать свою семью, жену и детей.

Подобные деяния, хоть и влетали в копеечку, усиливали авторитет императора в армии и в то же время подрывали его авторитет среди помещичьего дворянства. Того и гляди случится новый заговор. В Канцелярии государственной безопасности уже имелось несколько дел в отношении дворян, позволивших себе начать мутить воду. Пока ничего серьезного, но до серьезного доводить и не хотелось...

В настоящий момент Петр вполне мог себе позволить существенные траты на подобные реформы. Разумеется, казна не бездонная, но кое-какой жирок все же имелся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> На южных рубежах	5
<i>Глава 2.</i> О политике, и не только	25
<i>Глава 3.</i> Особенности российского предпринимательства	55
<i>Глава 4.</i> Княжна Туманова	76
<i>Глава 5.</i> Дикое поле	102
<i>Глава 6.</i> В поход	132
<i>Глава 7.</i> И один в поле воин	155
<i>Глава 8.</i> Кардинал Флери и его планы	183
<i>Глава 9.</i> Молодожены	205
<i>Глава 10.</i> Удар исподтишка	243
<i>Глава 11.</i> Бульдог	267